

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.581/373:811.581/271.2

ББК Ш171.1-55+Ш171.1-36

DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_22

ГСНТИ 16.21.27; 16.31.61

Код ВАК 10.02.19

Ван Цзэюй

Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай

ORCID ID: 0000-0002-1203-6444

Ван Сяоянь

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

ORCID ID: 0000-0002-2416-8006

 E-mail: wangzeyujc@163.com; wangxiaoqian1980@yandex.ru.

Фразеологизмы как инструмент современной китайской дипломатической риторики

АННОТАЦИЯ. Дипломатическая риторика является важным объектом политической лингвистики — междисциплинарной исследовательской области, требующей учитывать не только политические аспекты, но также воплощенную в языке культуру. Поскольку выступления дипломатов транслируются сегодня по всему миру, Министерство иностранных дел Китая демонстрирует открытость общественности своей страны и зарубежных государств, в том числе путем ведения аккаунтов в иностранных социальных сетях, деятельность дипломатического ведомства следует рассматривать сквозь призму концепции «мягкой силы» (предполагает системную работу в таких областях, как языковое образование, языковая международная коммуникация, языковая оборонная стратегия и т. п.). В последние десятилетия стиль и средства китайской дипломатии существенно изменились на фоне роста национальной мощи КНР. В настоящей статье рассмотрены высказывания спикеров в рамках регулярных пресс-конференций Министерства иностранных дел КНР, проанализированы использованные в этих выступлениях лексические и фразеологические средства, выявлены связи между ними, национально-культурными традициями и политическим курсом руководства страны. Раскрывается, как дипломатическая риторика представителей МИД Китая поменялась после XVIII съезда КПК. Интенсификация распространения информации привела к демократизации речи: ораторы нередко заимствуют единицы из повседневной обиходно-разговорной речи, что делает дипломатическую риторику более доступной для широкой аудитории. Одной из основных особенностей современной политической речи в КНР является опора на образы китайской истории и традиционной культуры: в качестве аргументов используются исторические факты, цитаты из древних мыслителей, упоминания народных обычаев и традиций. Этим тенденциям соответствует употребление фразеологизмов, позволяющих выразить эмоциональную оценку и отсылающих к традиционной культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; дипломатическая риторика; дипломатия; речевая деятельность; дипломатические речи; внешнеполитический дискурс; мягкая сила; эмотивные средства языка; языковые средства; китайский язык; фразеология китайского языка; фразеологизмы; фразеологические единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ван Цзэюй, старший преподаватель, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне; 518172, Китай, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, улица Гуоцзидасюань, дом 1; e-mail: wangzeyujc@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ван Сяоянь, старший преподаватель, Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, Харбин, 150080, Китай, пров. Хэйлунцзян, г. Харбин, ул. Сюйфулу, 74; e-mail: wangxiaoqian1980@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, Цзэюй. Фразеологизмы как инструмент современной китайской дипломатической риторики // Ван Цзэюй, Ван Сяоянь // Политическая лингвистика. — 2021. — № 5 (89). — С. 191-199. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_22.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время научные исследования языка, речи, текста, дискурса все чаще становятся междисциплинарными. В течение последних десятилетий сформировалась такая область лингвистического знания, как политическая лингвистика, со своим предметом и понятийным аппаратом. Неоспоримым фактом является, что любая политическая деятельность сопряжена с борьбой за приобретение определенной выгоды: власти, призна-

ния, влияния, собственности. Инструментом доступа ко всему этому и важнейшим орудием политической борьбы является язык. Сегодня политический дискурс представлен повсеместно, главный фактор его идентификации — это принадлежность тематики общения к сфере политики. Политика и борьба за власть настолько тесно связаны с деятельностью СМИ, что изучение языка СМИ невозможно в отрыве от анализа политических событий и политической коммуникации [Лобанова, Фесик 2013: 128].

© Ван Цзэюй, Ван Сяоянь, 2021

Основной задачей политической лингвистики является изучение разнообразных форм взаимосвязи языка, мышления, коммуникации, субъектов политической деятельности и социально-политической ситуации с целью создания научной базы для выработки оптимальных политических стратегий и тактик. Это направление исследований имеет большое прикладное значение. Оно содействует углублению понимания политических процессов, протекающих в современном обществе, позволяет сформулировать конкретные практические рекомендации для политических деятелей, журналистов, специалистов в области связей с общественностью. Критический анализ современной политической коммуникации дает возможность новому поколению политиков и журналистов совершенствовать соответствующую коммуникативную практику, гармонизировать политический дискурс [杨可 / Ян Кэ 2012: 8]. Такие исследователи, как Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчао, Лю Хун, Тянь Хайлун, Ху Яъюнь, Ли Хунцян, Тан Сяньцин, рассматривают политическую лингвистику как субдисциплину прикладной лингвистики, изучающую так называемые ковариантные отношения между языком и политикой. Ковариантный характер отношений предполагает, что язык и политика являются взаимозависимыми элементами общественной жизни и изменения в одном элементе неизбежно влекут за собой соответствующие изменения в другом элементе. Иными словами, речь идет об отношениях взаимовлияния, взаимной обусловленности языка и политики.

Роль языка в всех сферах политической деятельности поистине огромна. В ходе многоуровневого взаимодействия политики и языка политические идеи, политические ситуации, политические события и политические решения также оказывают мощное влияние на язык. В связи с этим в настоящее время исследователи уделяют большое внимание политической функции языка, использованию языковых средств в политической деятельности. Весьма значимым становится изучение вариативности в отношениях между языком и политикой. Данная проблематика требует дальнейшей разработки в рамках политической лингвистики.

Изучение языка в широком смысле в рамках политической лингвистики должно учитывать, помимо политических аспектов, компоненты, отражающие экономические и культурные ценности. Политика, экономика и культура неразрывно связаны и способны влиять друг на друга; защита и развитие политических, экономических и культурных ценностей общества совершенно необходи-

мы для обеспечения социального процветания и политической стабильности.

Политическая лингвистика в узком смысле в качестве основного объекта рассматривает политические тексты или политический дискурс, исследуя то, как политики используют язык, чтобы «отдавать приказы» для достижения своих целей, и как их аудитория распознает и понимает соответствующие смыслы, передаваемые средствами языка. Сфера интересов политической лингвистики в широком смысле уже не ограничивается политическими текстами и политическим дискурсом, а включает также систему ковариантных отношений между языком и политикой. Соответствующее направление политической лингвистики формируется теоретическими и практическими исследованиями таких вопросов, как политическая функция языка, язык и преодоление бедности, язык и национальное единство, язык и продвижение «мягкой силы», языковой конфликт и языковая гармония, язык и национальная стратегия и т. п.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ДИПЛОМАТИЯ ГОСУДАРСТВА

Политический язык передает политическую информацию и в то же время влияет на политическую коммуникацию и другие сферы общественной жизни. В политической деятельности язык является средством постановки вопросов, интерпретации событий и ситуаций, агитации, политической идентификации и др. Изучение политической функции составляет ключевое направление политической лингвистики, требующее использования различных лингвистических концепций и методов для прояснения специфики функционирования языка в политическом общении, роли языка в политике и факторов, влияющих на политическую функцию языка. Например, мы можем проанализировать различные свойства слов, которые используют лица, принимающие решения, в политических текстах или дискурсе, а затем конкретные намерения, стоящие за этими словами, и исследовать применяемые политиками правила и стратегии, нацеленные на получение политической власти и идеологическое манипулирование с помощью языка.

В связи с этим в поле зрения политической лингвистики попадает «мягкая сила». Понятие «мягкая сила», или «мягкая мощь», было впервые предложено Джозефом С. Наем в начале 1990-х гг. Он понимал под «мягкой силой» способность достигать своей цели путем привлечения, склонения на свою сторону, а не принуждения; данная способ-

ность является еще одним компонентом мощи страны в дополнение к традиционной «жесткой силе», опирающейся на военный и экономический потенциал. Сфера «мягкой силы» включает культурные корни, идеологию, ценности, национальное единение и т. п. [Nye 1999: 30].

Язык как инструмент мышления и средство коммуникации является основным носителем культурных смыслов. Будучи особой формой культуры, язык представляет собой одно из важнейших орудий «мягкой силы». Совершенствование языкового инструментария «мягкой силы» предполагает системную работу в таких областях, как языковое образование, языковая международная коммуникация, языковая оборонная стратегия и т. п. Исследование отношений между языковой компетенцией, языковым образованием, языковой международной коммуникацией, языковой оборонной стратегией, с одной стороны, и языковой «мягкой силой», с другой, а также инновации способов и путей развития языковой «мягкой силы» составляют важные направления политической лингвистики.

Ярким примером эффективности средств «мягкой силы» может служить английский язык. Он существенно усилил англо-американское влияние в политике, экономике и культуре. Во-первых, глобальное распространение английского языка принесло Великобритании и США большие экономические выгоды. Во-вторых, английский является основным рабочим языком ключевых международных организаций (таких как ООН); Великобритания и США часто используют дискурсивную силу английского языка для манипулирования в сфере международной политики и вмешательства во внутренние дела других стран. В-третьих, Великобритания и США активно пользуются англоязычными системами образования и культурных обменов для продвижения западных жизненных ценностей и моделей демократии, осуществления культурной инфильтрации и экспансии, а также достижения глобальной гегемонии. Неуклонный рост популярности английского языка способствует формированию в сознании многих жителей развивающихся стран идеи превосходства англо-американской культуры и имплицитно влияет на их ценностную ориентацию, что особенно характерно для молодого поколения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Основных методов, применяемых в исследованиях данной проблематики, два.

1. Критический дискурс-анализ.

Язык — это инструмент мышления. Языки выражают различные культурные смыслы, концепты, идеи, демонстрирующие различные типы мышления. Теория критического дискурс-анализа — новаторское направление лингвистических исследований, которое берет начало в критической лингвистике, возникшей в Западной Европе в конце 1970-х гг. Данная теория связывает форму, производство и потребление дискурса со структурой социальной власти, раскрывая дискурсивную политику и заглядывая за поверхностные языковые формы с целью выявления характера взаимоотношений идеологии и языка с позиций лингвистики, социологии, психологии и теории коммуникации. Применение критического дискурс-анализа в политической лингвистике выражается в основном в рассмотрении политических текстов (таких как газетные статьи, официальные документы, законы, постановления) на предмет характеристики взаимосвязей языка и идеологии, их отношений с социальной структурой и того, как правящий класс использует язык для влияния на умы людей ради защиты собственных интересов. Политическая лингвистика использует критический дискурс-анализ для интерпретации отношений между языком, властью и идеологией и может помочь выявить и решить проблемы равноправия языков и этнических групп, использования языка в конструировании идеологии и социальных субъектов, идеологических установок в языковом планировании и языковой политике, лингвистической гегемонии и др.

2. Анализ политического влияния языка.

В поле зрения политической лингвистики лежат также вопросы, связанные с «политическими эффектами» языка. Политический эффект языка — это результат, достигаемый правящим классом или определенной политической группой при использовании языка в качестве основной культурной «мягкой силы» в рамках политической поддержки государственной власти или групповых интересов. Речь идет, в частности, о разрешении социально значимых конфликтов (например, языковых), поддержании социального порядка (например, достижении языкового равенства между этническими группами, формировании отношений языковой гармонии) и национально-культурном влиянии на другие государства (популяризации общекитайского литературного языка, международном продвижении китайского языка и т. п.).

По мнению лингвистов, одна из принципиальных особенностей понятий дискурса вообще и политического дискурса в частности состоит в следующем: «При всей важности языковых аспектов политики она не сво-

дится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и дебаты, и процедуры, и церемонии. Все они построены на определенных знаках» [Соловьев 2012: 73]. Мы считаем, что язык как носитель культуры является частью системы государственной власти, и его культурный престиж и привлекательность, безусловно, приносят стране определенный объем «мягкой силы» и усиливают ее международное влияние; распространение ее языка и культуры необходимо осуществлять таким образом, чтобы люди в других странах хорошо понимали ее культурные модели и идеологию.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ранее для китайского общества Министерство иностранных дел КНР и его деятельность во многом были окутаны тайной, а дипломатическая риторика производила впечатление несколько однообразной, стереотипной и устаревшей. Из-за недостатка открытости работы ведомства часть китайской общественности склонна к некоторому недопониманию внешней политики Китая и даже недовольству ею по вопросам, затрагивающим национальные чувства и связанным с отношением КНР к ряду крупных международных событий. Существует мнение, что китайская дипломатия слишком слабая и спикерам Министерства иностранных дел необходимо улучшать свои навыки. Для того чтобы изменить эту ситуацию, устранить такое недопонимание деятельности МИДа, добиться поддержки дипломатической работы со стороны широкой общественности, Министерство в последние годы провело большое количество мероприятий в сфере общественной дипломатии и даже создало специальный Отдел общественной дипломатии. После XVIII Всекитайского съезда КПК по мере укрепления национальной мощи и усиления влияния на международной арене Китай стремится практиковать дипломатию мировой державы, характеризующуюся китайской спецификой; его культурное самосознание и политическая уверенность значительно возросли, дипломатическая риторика также идет в ногу со временем, демонстрируя открытость общественности и вполне современный имидж. Новое поколение пресс-секретарей постепенно выработало обновленный стиль дипломатической риторики, унаследовав при этом строгий характер китайской дипломатической традиции, органичный для сферы офици-

альных внешних сношений. Благодаря тесным контактам с обществом Министерство иностранных дел постепенно утрачивает свою «загадочность» в сознании людей. Общественное представление о дипломатах также меняется: они держатся гораздо более уверенно, чем в прошлом, и демонстрируют взвешенный подход к решению проблем международных отношений.

Китайская дипломатическая риторика характеризуется широким применением лексических и синтаксических средств, имеющих во многих языках: эпитетов, метафор, олицетворений, сравнений, риторических вопросов и др. Особое внимание в ходе анализа мы уделяем специфически китайским особенностям дискурса, прежде всего фразеологическим единицам. В китайском языке это не только пословицы и поговорки, но и другие типы устойчивых выражений (成语 — чжэньюй, 惯用语 — гуаньюньюй). Материалом исследования послужили именно эти единицы. Наиболее активно они употребляются в художественных и публицистических текстах. «Введение фразеологизмов в тексты СМИ обусловлено стремлением журналистов усилить экспрессивную окраску речи. Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование, придает ему шутливую, ироническую окраску» [Давтян 2011: 195].

Для анализа языковых особенностей китайской дипломатической риторики мы выбрали несколько выступлений представителей МИДа КНР. В большинстве случаев это выступления на интегрированных платформах СМИ в онлайн- и офлайн-форматах. Основной задачей заявлений китайского МИДа является противодействие дипломатической риторике, запущенной США и ЕС в связи с некоторыми политическими темами.

В социальном контексте интегрированных СМИ и сетевой дипломатии публичная дипломатия стала новым каналом общения между правительством КНР и простыми людьми во всем мире. Министерство иностранных дел Китая идет в ногу со временем, открывая зарубежные аккаунты в социальных сетях (например, в «Twitter», «Instagram», «Facebook») и используя сетевые платформы для выступлений в защиту интересов Китая.

Онлайно-офлайновая интерактивная модель пресс-конференции позволяет одновременно комментировать то или иное событие, удовлетворяя интерес общественности в стране и за рубежом и при помощи единиц китайской фразеологии жестко формулировать идеи и оценки, посылая правительствам других стран сигнал о том, что Китай не поддается внешнему давлению.

На первый взгляд, политический дискурс — это символическое выражение политической коммуникации; в действительности же политический дискурс воплощает скрытые симбиотические отношения между властью и работой по защите тайн и интеллектуальной собственности [彭文钊 / Пэн Вэньчао 2017: 35]. Язык давно считается основным средством дипломатии, а слова дипломатов часто рассматриваются как их действия. Как стабильная дискурсивная система, традиционный дипломатический язык обычно используется дипломатами, отвечающими на вопросы в условиях публичного общения в соответствии с установленным форматом, и характеризуется осторожностью, точностью, формальностью, консервативностью, официальностью, вежливостью, учтивостью, безличностью и понятностью [刘会娟 / Лю Хуэйсянь 2021: 34].

В условиях нового конвергентного медийного контекста Министерство иностранных дел КНР, используя ряд эмоциональных коммуникационных стратегий, соответствующих этим условиям, разрушило стереотипное представление о своей «серьезности и неприступности», сократило дистанцию в общении с отечественной и зарубежной аудиторией в социальных сетях, стимулировало эмоциональный отклик аудитории и создало более обаятельный образ пресс-секретаря Министерства. Это способствует как усилению влияния МИДа на общественное мнение внутри КНР, так и более эффективному донесению голоса Китая до жителей других стран и укреплению его международного статуса.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

«Быстрая сменяемость, подвижность, воспроизводимость, агональный и манипулятивный характер, пристальное внимание со стороны общественности — вот характерные черты фразеологии, возникающей в политической сфере вообще, и фразеологии текущего момента в частности» [Ян Кэ 2016: 54]. Такие слова и выражения, как «маниловщина» (痴心妄想), «сплошная чушь» (一派胡言), «не верить в нечистую силу» (不信邪), не только демонстрируют уверенный и жесткий стиль речевого поведения официальных представителей МИДа КНР, но и помогают им дать предельно ясные ответы на саркастические вопросы иностранных журналистов. Представители МИДа Китая могут при этом использовать даже единицы молодежного сленга, например «хааа...»

(呵呵) — речевой жест со значением «просто нет слов». Все чаще встречаются такие фразы, как «Справедливость заключена в сердцах людей, она восторжествует в конце концов» (公道自在人心, 正义终将到来), «Какой ответ Вы хотите получить?» — с тем чтобы подчеркнуть абсурдность определенных решений, мнений, оценок, а также необоснованность или провокационный характер вопросов.

Использование колких идиом, остроумных афоризмов, явных или скрытых цитат, сочетание жесткости и сдержанности отражают продуманность и принципиальность подходов КНР к решению внешнеполитических проблем.

Так, в 2017 г. Министерство иностранных дел Китая неоднократно оказывалось в центре внимания мирового сообщества. В заявлениях представителей Министерства широко и уместно представлены популярные китайские идиомы, оживляющие общение и отсылающие аудиторию к культурному наследию Китая.

«Одуматься в последний момент» (悬崖勒马, дослов. перевод: «осадить коня перед самой пропастью»). 8 марта Министр иностранных дел КНР Ван И заявил на пресс-конференции, что размещение США системы ПРО THAAD в Южной Корее, очевидно, является неправильным выбором, который не только противоречит принципу добрососедства, но и, скорее всего, поставит Южную Корею в более опасную ситуацию. «Мы советуем определенным силам в руководстве Южной Кореи одуматься в последний момент и не идти на поводу у собственных интересов, иначе они только навредят себе и другим».

«Напрасные усилия» (枉费心机). 7 февраля в ответ на сообщение «Япония подкупила британский аналитический центр правого толка, чтобы обрушиться на Китай» представитель МИДа Лу Кан заявил: «Если данное сообщение соответствует действительности, я могу только сказать, что это пустая трата усилий».

«Выдумывать проблемы» (捕风捉影, дослов. перевод: «ловить ветер и гоняться за тенью»). 3 марта, комментируя информацию о том, что «въезд китайских граждан на остров Чеджудо был заблокирован, а Национальное управление по делам туризма сделало строгое предупреждение» в связи с размещением США системы ПРО THAAD в Южной Корее, официальный представитель МИДа КНР Гэн Шуан подчеркнул, что Китай позитивно и открыто относится к обменам и сотрудничеству между КНР и Южной Кореей, но для этого необходим соответствующий

фундамент в виде общественного мнения и атмосферы общественного доверия. «Вместо того чтобы постоянно выдумывать или быть подозрительными, мы должны действительно прислушиваться к голосу народа и принимать эффективные меры».

«Скрывая намерения, замышлять недоброе» (别有用心). 7 июля в ответ на заявление Индии о так называемой «точке пересечения трех стран» официальный представитель Министерства иностранных дел Гэн Шуан отметил, что место, где индийские войска незаконно пересекли границу на этот раз, находится на линии Сиккимского участка китайско-индийской границы, примерно в 2000 метрах от горы Джиммаджан, и не имеет никакого отношения к «точке пересечения трех стран». «Очевидно, что индийская сторона замышляла что-то недоброе, игнорируя положения Договора о границе и описывая всю территорию Донгланга как находящуюся в пределах тройного узла».

«Человек с ограниченными взглядами, узким кругозором» (井底之蛙, дослов. перевод: «лягушка на дне колодца»). 14 июля госпожа Цай Ин-вэнь заявила, что «для нее большая честь принять Президента Парагвая». В связи с этим представитель МИДа Гэн Шуан выразил надежду на то, что власти Тайваня оценят ситуацию и как можно скорее вернутся к «консенсусу 1992 года»: «Я советую некоторым людям на острове открыть глаза и посмотреть на мир, принять правильное положение, а не быть лягушкой на дне колодца».

«Ответить неблагодарностью на услугу» (过河拆桥, дослов. перевод: «переправившись через реку, разрушить мост»). 14 июля в ответ на сообщение США о том, что они «могут объявить о новых санкциях против китайских компаний, связанных с Северной Кореей», официальный представитель МИДа КНР Гэн Шуан отметил, что, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Китай активно участвовал в консультациях по ряду проектов резолюций Совета Безопасности, касающихся Северной Кореи, и поддержал принятие соответствующих проектов. «До принятия резолюции США обращались за помощью к Китаю и сотрудничали с нами, но после принятия резолюции США ввели односторонние санкции против Китая. Вот как они ответили неблагодарностью на услугу».

«Пугаться созданного собственным воображением» (杯弓蛇影, дослов. перевод: «принять отражение лука в стакане за змею»). 8 ноября на предположения о том, что спуск землечерпательного судна «Тянькунь» на воду увеличит вероятность создания

острова, официальный представитель МИДа Хуа Чуньин заметила, что «Тянькунь» — это новое достижение в научно-исследовательской и конструкторской работе китайской дноуглубительной индустрии. Хуа Чуньин выразила надежду на то, что соответствующие СМИ будут объективно и рационально освещать научно-техническое развитие и инженерный потенциал Китая и воздержатся от произвольных оценок, не говоря уже о поднятии шумихи вокруг этого события и о боязни созданного собственным воображением.

«Устраивать скандал без всякой причины» (无事生非). 15 декабря на слова о том, что «США вновь призвали Китай прекратить строительство островов и рифов в Южно-Китайском море», официальный представитель МИДа Лу Кан ответил: для Китая вполне нормально вести мирное строительство и размещать необходимые оборонные объекты на собственной территории, которая находится в пределах суверенных границ Китая. В настоящее время благодаря совместным усилиям Китая и стран АСЕАН ситуация в Южно-Китайском море стабилизируется и улучшается. «Мы по-прежнему надеемся, что экстерриториальные страны и все соответствующие стороны будут уважать усилия стран региона и воздержатся от создания проблем и разжигания конфликтов».

3 июля 2019 г., используя более десятка идиом в своем выступлении, официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан заявил: «Я два дня подряд отвечал на ошибочные высказывания г-на Ханта по Гонконгу, выражая резкое недовольство и решительное противодействие Китая. Но, похоже, он все еще погружен в иллюзии британских колонизаторов прошлых эпох, все еще одержим порочной привычкой диктовать свою волю другим странам, все еще не раскаялся и продолжает делать лживые заявления. Поэтому сегодня я просто скажу еще несколько слов. Во-первых, что касается китайско-британской совместной декларации... Британская сторона не имеет ни суверенитета, ни полномочий управления, ни полномочий надзора над Гонконгом после воссоединения... Британская сторона на каждом шагу играет роль „опекуна“, обольщается на свой счет и питает иллюзии (自作多情、痴心妄想). Во-вторых, бесстыдно (厚颜无耻) говорить, что за свободу жителей Гонконга боролась британская сторона! ...Наконец, я хотел бы подчеркнуть, что... мы надеемся, что британская сторона, и в частности г-н Хант, прекратит грубое вмешательство в дела Гонконга, не просчитывая своих сил (自不量力)».

Официальный представитель МИДа КНР Хуа Чуньин использовала аналогию с «се-

мейными дворами», чтобы дать оценку «участившимся случаям пересечения Тайваньского пролива военными кораблями США». «Я хотела бы провести аналогию и попросить вас поставить себя в следующую ситуацию. Представим ситуацию, что у семьи есть два двора, большой и поменьше. Между ними существует проход. Если обычный прохожий следует по нему мимо дворов, это можно разрешить для удобства. Однако если кто-то намеренно там останавливается и делает провокационные комментарии или предпринимает провокационные действия, или даже ставит под угрозу безопасность и комфорт семьи, как бы вы к этому отнеслись?»

Одной из основных особенностей современной политической речи в КНР является опора на образы китайской истории и традиционной культуры. Например, когда политический деятель обращается к аудитории и в качестве аргументов использует исторические факты, цитаты из древних произведений мыслителей, упоминания народных обычаев и традиций, то тем самым он, несомненно, располагает к себе слушателей [Пак 2017: 91]. Выражая готовность оказать помощь и поддержку международному сообществу в борьбе с новым коронавирусом, официальный представитель МИДа Гэн Шуан дважды процитировал знаменитую строчку из «Книги песен» (Шицзин / 《诗经》): «Брось мне персик, и я отплачу тебе лучшей яшмой» (投我以木桃, 报之以琼瑶).

С неуклонным ростом национальной мощи Китайской Народной Республики китайские дипломаты все более уверенно и решительно распространяют голос Поднебесной в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дипломатическая риторика выражает установки национальной внешней политики. Культурные факторы играют ключевую роль в формировании дипломатической риторики и в целом стиля дипломатии. После XVIII Всекитайского съезда КПК дипломатия Китая не только демонстрирует укрепление национальной мощи и уверенности страны в своих силах, но и доносит голос Китая до народов мира через Интернет и СМИ, выполняя при этом важные социально-политические функции.

В настоящей статье рассмотрены высказывания спикеров в рамках регулярных пресс-конференций Министерства иностранных дел КНР, проанализированы использованные в этих выступлениях лексические и фразеологические средства, выявлены связи между ними, национально-

культурными традициями и политическим курсом руководства страны. Выполненный анализ представляется важным для общей характеристики зависимости дипломатической риторики от приоритетов внешней политики страны.

Проведенное нами исследование показывает, что на дипломатическую риторику после XVIII Всекитайского съезда КПК влияют следующие факторы.

Во-первых, это демократизация речи. Быстрое развитие информационных технологий делает распространение информации все более интенсивным и агрессивным. Общественность стремится участвовать в дипломатии все активнее. Ораторы нередко заимствуют единицы из повседневной общедоступно-разговорной речи, что делает дипломатическую риторику более доступной для широкой аудитории.

Во-вторых, характер внешней политики. Концепция мирной дипломатии и принцип независимости требуют, чтобы политические позиции, отражаемые дипломатической риторикой, были ясными и четкими, а формулировки — строгими, точными и краткими.

В-третьих, национальный дух. Образ мышления, национальный менталитет и эстетические предпочтения оказывают немаловажное влияние на формирование дипломатической риторики. «Это универсальный опыт погружения, в котором люди находят чувство национальной принадлежности и единства, выливающееся в мощную резонансную силу, достойную восхваления и дающую пищу для размышлений» [赵依宁/ Чжао Иънин 2020: 21]. Речь идет о свойственном китайцам образе мышления, связанном с наглядностью и диалектическим единством; национальной психологии нейтральности и двусмысленности, акценте на семантике и эмоциональном выражении; эстетических чувствах стабильности, симметрии и аккуратности.

Дипломатическая риторика играет чрезвычайно важную роль в формировании национального имиджа КНР как ответственной державы, в воздействии на международное общественное мнение и донесении взгляда Китая до мировой общественности. Лингвистические особенности китайской дипломатической риторики, несомненно, нуждаются в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давтян, Р. А. Функциональные возможности фразеологизмов в политическом жанре (на материале «Politics» на канале Russia Today) / Р. А. Давтян. — Текст : непосредственный // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. — 2011. — № 2 (16). — С. 195–200.
2. Лобанова, Т. Н. Политическая лексика в современном китайском языке (на материале массмедийных источников) /

Т. Н. Лобанова, О. В. Фесик. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — Ч. 2, № 5 (23). — С. 126–131.

3. Пак, Е. М. Особенности политического языка в КНР / Е. М. Пак. — Текст : непосредственный // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2017. — № 1. — С. 88–92.

4. Соловьев, А. И. Политология: Политическая теория. Политические технологии : учебник / А. И. Соловьев. — Москва : Аспект-пресс, 2012. — 574 с.

5. Ян, Кэ. Политическая фразеология китайского языка: семантика и функционирование / Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 51–57.

6. Nye, J. S. The challenge of soft power / Joseph S. Nye. — Text : unmediated // Time International. — 1999. — № 7.

7. 刘会娴. 王晓东. 基于中国外交部发言人办公室原始推文的融媒体外交辞令研究 // 外语与翻译. 2021年第1期. 第34–41页.

8. 彭文钊. 哲学阐释学视域下的政治语言学: 哲学基础、语言观与政治观问题 // 外语与外语教学. 2017年第2期. 第26–37, 147页.

9. 杨可. 俄罗斯现代政治语言学——一门新兴的交叉学科 // 中国俄语教学. 2012年第2期. 第7–10页.

10. 赵依宁. “热搜时代”的舆论狂欢研究——以外交部发言人犀利言论频上热搜为例 // 新媒体研究. 2020年第4期. 第19–21页.

Wang Zeyu

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

ORCID ID: 0000-0002-1203-6444

Wang Xiaoqian

Heilongjiang University, Harbin, China

ORCID ID: 0000-0002-2416-8006

✉ *E-mail:* wangzeyujc@163.com; wangxiaoqian1980@yandex.ru.

Phraseologisms as an Instrument of Modern Chinese Diplomatic Rhetoric

ABSTRACT. *Diplomatic rhetoric is an important object of study of political linguistics—an interdisciplinary research field that requires taking into account not only political aspects, but also the linguo-cultural phenomena in the language. Since diplomats' speeches are broadcast around the world today, the Ministry of Foreign Affairs of China demonstrates openness to the community of their country and that of foreign countries, specifically by maintaining accounts in foreign social networks, and the activities of the diplomatic department should be viewed through the prism of the concept of “soft power” (which involves systematic work in areas such as language education, language international communication, language defense strategy, etc.). In recent decades, the style and the means of Chinese diplomacy have changed significantly against the background of the growth of the national power of the People's Republic of China. This article examines the statements of speakers at regular press conferences of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, analyzes the lexical and phraseological means used in these speeches, identifies the links between them, the national and cultural traditions and the political course of the country's leadership. It reveals how the diplomatic rhetoric of the Chinese Foreign Ministry representatives changed after the XVIII CPC Congress. The intensification of information dissemination has led to the democratization of speech: speakers often borrow units from everyday colloquial speech, which makes diplomatic rhetoric more accessible to a wide audience. One of the main features of modern political speech in China is the reliance on images of Chinese history and traditional culture: historical facts, quotations from ancient thinkers, references to folk customs and traditions are used as arguments. These trends correspond to the use of phraseologisms that allow one to express emotional attitude and refer to traditional culture.*

KEYWORDS: *political linguistics; diplomatic rhetoric; diplomacy; speech; diplomatic speeches; foreign policy discourse; soft power; emotive language means; language means; Chinese language; Chinese phraseology; phraseologisms; phraseological units.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wang Zeyu, Senior Lecturer, Shenzhen MSU-BIT University, China, Guangdong Province, Shenzhen.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wang Xiaoqian, Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Heilongjiang University, China, Heilongjiang Province, Harbin.*

FOR CITATION: *Wang, Zeyu. Phraseologisms as an Instrument of Modern Chinese Diplomatic Rhetoric / Wang Zeyu, Wang Xiaoqian // Political Linguistics. — 2021. — No 5 (89). — P. 191–199. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_22.*

REFERENCES

1. Davtyan, R. A. Political genre phraseological units functional capabilities («Politics» materials on Russia Today channel) // Sochi Journal of Economy. — 2011. — № 2 (16). — P. 195–200. [Funksional'nye vozmozhnosti frazeologizmov v politicheskom zhanre (na materiale «Politics» na kanale Russia Today) / R. A. Davtyan. — Текст : непосредственный // Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela. — 2011. — № 2 (16). — С. 195–200]. — (In Rus.)

2. Lobanova, T. N. Political vocabulary in the modern Chinese language (by the material of mass media sources) / T. N. Lobanova, O. V. Fesik // Philological Sciences. — 2013. — № 5 (23). — P. 126–131. [Politicheskaya leksika v sovremennom kitayskom yazyke (na materiale massmediynykh istochnikov) /

T. N. Lobanova, O. V. Fesik. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — Ч. 2, № 5 (23). — С. 126–131]. — (In Rus.)

3. Pak, E. M. Features of Political Language in the PRC // Scientific Bulletin of Uzhny Institute of Management. — 2017. — № 1. — P. 88–92. [Osobennosti politicheskogo yazyka v KNR / E. M. Pak. — Текст : непосредственный // Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. — 2017. — № 1. — С. 88–92]. — (In Rus.)

4. Solovyov, A. I. Political science: political theory. Political Technologies : Textbook. — Moscow : Aspect-press, 2012. — 574 p. [Politologiya: Politicheskaya teoriya. Politicheskie tekhnologii : uchebnik / A. I. Solov'ev. — Moskva : Aspekt-press, 2012. — 574 s.]. — (In Rus.)

5. Yang Ke. Political phraseology of Chinese: semantics and functioning // Political Linguistics. — 2016. — № 1 (55). — P. 51—57. [Politicheskaya frazeologiya kitayskogo yazyka: semantika i funkcionirovanie / Yan Ke. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 1 (55). — S. 51—57]. — (In Rus.)
6. Nye, J. S. The challenge of soft power / Joseph S. Nye. — Text : unmediated // Time International. — 1999. — № 7.
7. Liu, Huixian. Research on the diplomatic rhetoric of financial media based on the original tweets of the spokesperson's office of the Chinese Ministry of Foreign Affairs / Liu Huixian, Wang Xiaodong. — Text : unmediated // Foreign Language and Translation. — 2021. — № 1. — P. 34—41. — (In Chinese)
8. Peng, Wenzhao. The philosophical fuoudation, linguistic and political views of political linguistics: from the perspective of philosophical hermeneutics / Peng Wenzhao. — Text : unmediated // Foreign Languages and Their Teaching. — 2017. — № 2. — P. 26—37, 147. — (In Chinese)
9. Yang, Ke. Russian modern political linguistics: a new interdisciplinary subject / Yang Ke. — Text : unmediated // Russian in China. — 2012. — № 2. — P. 7—10. — (In Rus.)
10. Zhao, Yining. Research on public opinion carnival in “Hot Search” — Take the frequent hot searches on the sharp remarks of the spokesperson of the Ministry of Foreign Affairs as an example / Zhao Yining. — Text : unmediated // New Media Research. — 2020. — № 4. — P. 19—21.